

СЕРГЕЙ
САМАРОВ

СПЕЦНАЗ ГРУ

ЖИЗНЬ

за ЖИЗНЬ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Жизнь за жизнь

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Жизнь за жизнь / С. В. Самаров — «Эксмо», 2021 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-118366-0

Совершено покушение на генерального директора инвестиционного фонда Павла Косицина. Бизнесмен остался жив, зато от удара телохранителя погиб нападавший, ветеран войны. Казалось бы, уголовное дело можно закрывать в связи со смертью обвиняемого. Однако вскоре происходит повторное покушение, при котором убивают уже самого телохранителя. Следствие подозревает, что за ветерана мог отомстить его внук – старший лейтенант спецназа ГРУ. Опергруппа отправляется к месту службы офицера, даже не предполагая, какое страшное продолжение получит эта история...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118366-0

© Самаров С. В., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Самаров

Жизнь за жизнь

© Самаров С.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

В большом офисном здании, два нижних этажа которого занимал паевой инвестиционный фонд, открылись тяжелые стеклянные двери. Первым невысокий порог из рифленой нержавеющей стали переступил начальник охраны этого заведения, отставной полковник КГБ, канувшего в Лету, Виктор Исаакович Вольдемаров. Это был суровый немолодой мужчина с постоянно хмурыми, насупленными, очень густыми, неприлично черными, словно покрашенными бровями, которые плохо сочетались с его благородными седыми волосами.

Он придержал дверь рукой, цепким, подчеркнуто подозрительным взглядом профессионала окинул окрестности поблизости от выхода, но ничего подозрительного не увидел. Потом он посмотрел и на окна соседних домов, особенно тех, которые стояли на противоположной стороне улицы. Виктор Исаакович словно искал в них снайпера, хотя отлично понимал, что нормальный специалист по этой части вместе со стволом винтовки из окна высовываться не будет. Если он надумает стрелять, то предпочтет сделать это из глубины комнаты, где его рассмотреть без специальной аппаратуры просто нереально. После этого начальник охраны обернулся и повел рукой, предлагая другим людям выйти из здания.

Теперь на улице появился телохранитель генерального директора, даже внешне чем-то похожий на начальника охраны или же просто подражающий ему. Благо густые и излишне кустистые брови позволяли это сделать без особых проблем. Вся разница между этими людьми сводилась только к цвету волос. У телохранителя они были просто черные, хотя седина на висках уже просматривалась.

Он тоже осмотрелся, а потом призывно поднял руку. С парковки сразу выехал тяжелый «Кадиллак». За ним следовал внедорожник «Лендкрюзер», чуть более легкий, хотя и он смотрелся гигантом по сравнению с другими автомобилями, стоявшими неподалеку от него, большей частью седанами представительского класса. Оба автомобиля встали напротив дверей, ведущих в здание, но их двигатели работали.

После этого на тротуар выдвинулись четверо охранников, совершенно стандартных, похожих один на другого как братья-близнецы. Все в одинаковых темных костюмах и солнечных очках с зелеными стеклами. В руках каждый из них держал пластиковый кейс. Эти ребята образовали живой коридор от двери до машины, готовы были своими спинами заслонить человека, который должен был пройти между ними. Они раскрыли свои кейсы, развесили их нижние части и выставили щиты, в которые были заложены бронекерамические листы.

Тот человек, для которого этот коридор и создавался, не замедлил появиться. Крепкий, широкоплечий, практически лишенный шеи и гордо носящий голову прямо на плечах, но с отчетливо обрисованным животиком.

Лицо Павла Яковлевича Косицина было совсем недавно изуродовано выстрелом. Этот факт сразу и без всякого труда определил бы любой специалист-медик. Правый глаз был выбит, череп справа от него – проломлен прямо от виска до скулы, а на лице присутствовали множественные шрамы. Но они были неровными, что говорило о неоднородности поражающих элементов. Некоторые из них оказались точечными, как от дроби, другие – рваными. Шрамы были красного цвета. Даже на загорелом лице человека, совсем недавно загоравшего на Карибских островах, они смотрелись яркими пятнами.

Отсутствие глаза говорило о том, что ранение было сравнительно недавним. Человек, получивший его, при своих финансовых ресурсах имел возможность без всяких проблем заказать себе стеклянный вставной глаз. Так он и поступил, однако его заказ был еще не готов. Ведь каждый такой глаз делается индивидуально. Он должен как можно более походить на второй, целый, хотя и окруженный шрамами. Медики говорили, что этому глазу просто очень повезло.

Хотя повезло, говоря честно, больше самому Павлу Яковлевичу. Поражающие элементы не смогли проникнуть в мозг. Этому помешали кости черепа. Да и ствол оружия, из которого был произведен выстрел, располагался не под нужным углом.

– Здорово, мужики! – сказал генеральный директор охранникам и приветственно приподнял руку, демонстрируя свое отличное настроение, что в последние дни бывало с ним редко.

После этого он пробежал между ними в свою машину с сильно тонированными задними стеклами.

Павел Яковлевич здоровался с этими парнями редко. Да и вообще пользоваться такой усиленной охраной он начал только недавно, после неудачного покушения, стоившего ему глаза. Генеральный директор нанял ее лишь по совету старшего следователя, ведущего его дело.

До этого он обходился одним телохранителем, который обычно сидел в приемной и сопровождал босса, когда тот куда-то выезжал по своим делам, что случалось довольно редко. Почти все вопросы решались на месте, в его просторном кабинете.

Но советом старшего следователя Павел Яковлевич не пренебрег. Видимо, он знал за собой какие-то грешки, за которые его запросто могли убить.

Тогда, в день покушения, в приемную пришел какой-то невзрачный старичок с сердитыми глазами, как потом оказалось, ветеран войны. Об этом же говорили ордена и медали, украшающие его старенький потертый серый в полоску пиджак. На прием ветеран записался заранее, предъявил документы и, разумеется, никаких подозрений не вызвал. Секретарша запустила его к шефу согласно очереди, которая тогда была немалая.

Когда прозвучал выстрел, эта дамочка как верная собака первой ринулась в кабинет генерального директора.

Телохранитель потратил несколько секунд на то, чтобы положить на ее стол журнал женской моды, который листал, расслабленно думая о чем-то своем. Эта его задержка впоследствии заставила старшего следователя подполковника юстиции Александра Александровича Соколовского подозревать этого человека в причастности к покушению. Но за него тогда заступился сам генеральный директор. Телохранитель приходился ему родственником, пусть и не по крови. Он был женат на сестре Павла Яковлевича.

Поэтому следователю пришлось плотно разрабатывать другую версию, совершенно очевидную, лежавшую на поверхности. Там и с мотивом покушения все было предельно ясно. Вернее сказать, стало понятно после разговора с генеральным директором паевого инвестиционного фонда. Эта беседа состоялась сразу, как только была разрешена врачами. Уголовное дело после этого вполне можно было закрывать.

– Я несколько не виноват в том, что этот Рыбаков остался почти без возможности купить себе квартиру! Ему теперь и на однокомнатную с трудом хватит. Не говоря уже о такой же, как та, которую он недавно продал, – сказал в свое оправдание основательно раненный Павел Яковлевич, осторожно притрагиваясь пальцами к повязке на голове.

Голос его был слаб, тих. Он хорошо передавал состояние человека, изрядно пострадавшего от ранения и операции. Его положение не позволяло скрывать то, что генеральный директор, скорее всего, желал бы утаить от старшего следователя.

По крайней мере, вину в этих словах Соколовский действительно почувствовал. Он услышал ее, хотя Косицин вроде бы говорил о противоположном. Он пытался себя оправдать. Может быть, не только перед следователем, но и перед самим собой, хотя закон формально никоим образом не нарушил.

– Когда этот дед еще только деньги принес, он сразу подписал все документы, даже не читая, и согласился на версификацию вложений в акции различных предприятий. Это специ-

ально делается со всеми средствами, которые клиенты нам приносят, – заявил генеральный директор. – Потому что невозможно бывает предсказать, какие акции принесут прибыль, а какие будут убыточными. Никто не виноват в том, что у него почти все ценные бумаги оказались убыточными. Только сорок процентов от первоначальной цены осталось, а то и меньше. Ни мы сами, ни брокеры биржи никогда не знаем этого заранее. А этот старик взбеленился. Отдавайте, дескать, мне хотя бы мои деньги, те, которые я вам изначально принес. Я что, из своего кармана должен их вынимать? Нечего ему было тогда договор подписывать! Он же сам согласился пойти на риск, был предупрежден об этом. Вот я и послал его подальше. Не очень, конечно, вежливо с моей стороны все это получилось, но я тоже свои деньги считать умею. У меня же семья, которую я обеспечивать обязан. А он орденами и медалями своими затряс, в грудь себя кулаком замолотил! Я, мол, свою квартиру продал, хотел внуку побольше, попросторнее купить. А теперь он у меня совсем без жилья остался! И без наследства!

– Обычная история, – согласился следователь, поддакивая Косицину и этим стараясь вывести его на дополнительные откровения. – А внук у него, насколько мне известно, единственный. Офицер спецназа ГРУ. В соседней области служит. Ему жилье в нашем городе и не нужно, а до отставки еще далеко. Он сейчас всего лишь в старших лейтенантах ходит. Я с ним общался по телефону. Как только мы тело отдадим, внук хоронить деда приедет, если его начальство со службы отпустит. Совершенно зря у нас говорят, что незаменимых людей не бывает. На самом деле это сплошь и рядом встречается.

– Вот я и сказал старику, что помочь ему ничем и никак не могу.

Вместо того чтобы стать откровеннее, генеральный директор, кажется, пожелал обратного. Он захотел показать, насколько был вежлив со стариком, и сделался скрытным. Может, что-то почувствовал в голосе старшего следователя, или же таким вот образом на собственные мысли ответил.

– А он?

– А он заявил, что он сам и мне, и себе прямо сейчас помочь сможет! Вытащил из-за пазухи или даже из штанов – я толком не разглядел – какую-то трубу, чуть ли не водопроводную, и чиркнул зажигалкой. Выстрел я слышал, а дальше уже ничего не помню. В себя только в реанимации пришел, после операции, когда хирург меня поздравил с тем, что второй глаз и мозг уцелели.

– Да, хирурги с вами намучались, – проговорил старший следователь. – В качестве поражающих элементов в своей самоделке старик использовал битое стекло от бутылок. Я лично впервые с таким зарядом встречаюсь. Да и хирург тоже. Ни он, ни я даже не слышали о таком применении стекла. Обычно в ход идут обрезки гвоздей, мелкие болты и гайки. Но это в самодельном взрывном устройстве, где в качестве взрывчатого вещества используют тротил или пластит. Там взрыв мощным бывает, любые кости насквозь проламывает. Здесь осколки стекла из костей выковыривать пришлось. А чтобы использовать спичечные головки, то я о таком варианте с детства, признаюсь, не слышал.

– Кстати, товарищ следователь, когда мы про внука говорили, вы сказали, что он приедет, как только вы тело выдадите. О чем речь?

– О теле того старика-ветерана. Вы разве не в курсе насчет того, что дальше произошло?

– Нет. Не в курсе. Я же здесь вообще от всей информации отрезан. Да и не в состоянии был какие-то новости воспринимать. Вы у меня первый посетитель со стороны. Раньше только жену с сыновьями пускали. Они тоже мало знают.

– Тогда придется ввести вас в курс дела. После громкого выстрела в ваш кабинет ворвалась сначала секретарша, а за ней телохранитель Кравцов вместе с людьми, которые ждали приема. Ветеран все еще держал в руках свою водопроводную трубу, из которой сделал пистолет. Вы, наверное, и сами в детстве такие мастерили. Это называлось тогда «поджиг». Вместо пороха – спичечная сера, короткий, меньше чем в полсантиметра фитиль от обувного шнура.

Стоит только поджечь его, и грохнет выстрел. Одноразовое оружие. Мы в детстве – и я тоже, каюсь, – десятками такие штуковины делали. Считали это почти пистолетом. Только не догадывались заряжать свое оружие битым стеклом. Нам звука хватало. Иногда, правда, камешек помельче в импровизированный ствол забивали, чтобы по мишени стрелять. Даже солидолом его смазывали, чтобы не застревал.

Соколовскому, видимо, были приятны эти воспоминания. По крайней мере, говорил он все это с лирическими нотками, словно баловал свой слух. Но генеральный директор рассказом подполковника юстиции не заинтересовался и поторопил его слабым голосом:

– Ладно. С оружием все понятно. А что произошло-то?

– Ваш телохранитель Анатолий увидел эту трубу. Сначала он ребром ладони врезал по ней, направил ее в потолок, а потом ударил старика кулаком в голову. Тот упал, ударился виском об угол стола и умер почти сразу, еще до приезда «Скорой помощи», не приходя в сознание. Это дает нам право подозревать телохранителя в сговоре со стариком. Я предполагаю – и прокуратура меня в этом поддерживает, – что он просто убрал опасного свидетеля, своего сообщника, сделал это торопливо, не предоставил тому возможности дать показания против себя, любимого.

– Это исключено, – категорично заявил генеральный директор.

– Почему вы так в этом уверены?

– Сестра Валентина меня очень любит. Мы с ней вместе росли, я ее воспитывал, можно сказать. У нас отец рано умер.

– А при чем здесь ваша сестра?

– Так мой телохранитель Анатолий Кравцов – ее муж.

– Она имеет право претендовать на наследство? – спросил старший следователь, желая уцепиться за новую нить, определить для себя мотив покушения.

– Нет. У меня есть завещание, составленное по всей форме и заверенное нотариально. Все, что после меня может остаться, достанется моей жене и сыновьям. Сестра получит совсем немного. Не стоит такое наследство человеческой жизни. Тем более что в результате моей смерти Кравцов потерял бы работу. Вы знаете, как сложно телохранителю, подопечный которого был убит, найти новое место. На него все будут смотреть косо.

– Значит, мотива у вашей сестры не просматривается?

– Нет.

– А сестра знает о вашем завещании?

– Знает. Я сам ей его показывал. Она прочла текст и ни единого слова против не сказала, со всем согласилась. Но, товарищ следователь, как я понимаю, уголовное дело против телохранителя может быть заведено только после моего заявления. Так ведь? А я такую бумагу писать совершенно не намерен. Давайте сразу поставим все точки над i.

– Пока ваш телохранитель задержан по обвинению в убийстве по неосторожности и превышении мер самозащиты. Он же, насколько я знаю, бывший боксер.

– В детстве человек боксом занимался. Это можно не учитывать. Ему уже почти сорок лет. Он все навыки былые давно потерял. Я сам такой же, по себе знаю, как легко это происходит, поэтому далек от мысли Анатолия подозревать.

– Хорошо. Мы будем иметь в виду вашу позицию. Но вас самого не смущает тот факт, что телохранитель вошел в кабинет не самым первым, уже после секретарши, вместе со всей толпой?

– Нет. Меня это не смущает. Все зависит от того, кто и где находился в момент выстрела.

– Да, в этом вы правы. Секретарша готовилась занести вам на подпись какие-то ведомости и уже руку положила на дверную ручку. Потому она и вошла первой.

– Вот видите.

Так вот и вышло, что телохранитель генерального директора паевого инвестиционного фонда Анатолий Кравцов угодил под подписку о невыезде, но свою работу по-прежнему выполнял. Он по-прежнему старался подражать начальнику охраны инвестиционного фонда.

Тот, в свою очередь, тоже это замечал и был к телохранителю особенно расположен. Он даже задействовал свои старые знакомства, добился, чтобы с Кравцова были сняты все подозрения, хотя Косицин и не просил его об этом.

– В медцентр! – распорядился Павел Яковлевич, как только телохранитель занял свое привычное место на переднем сиденье.

С двух сторон рядом с Косициным тоже устроились охранники. Еще трое вместе с Вольдемаровым сели во вторую машину.

– Мне позвонили, – сказал Косицин. – Глаз, оказывается, уже готов. На три дня раньше срока. Меня на примерку пригласили.

Похоже было на то, что Косицин сам изрядно страдал от своей подпорченной внешности. Он рассчитывал, что стеклянный глаз существенно изменит ситуацию, потому и ждал момента завершения его изготовления с таким явным нетерпением.

Два крупных внедорожника плавно двинулись в сторону главной улицы города. Через несколько кварталов они остановились на красный сигнал светофора.

– Это что еще за чучело там велосипед катит? – сказал Павел Яковлевич.

Он увидел, как какой-то немолодой мужчина толкал по пешеходному переходу наперерез внедорожникам старенький велосипед, нагруженный металлическими трубами, местами ржавыми или замазанными какой-то грязно-бежевой краской. После покушения он стал с подозрением относиться к таким вот штуковинам любого вида.

Этот дядечка как раз повернул голову и холодным, ледящим душу взглядом посмотрел в сторону дорогих внедорожников. Впрочем, Косицин уже привык к тому, что простые горожане смотрят на него и на его машину именно так, и несколько не удивился. Люди завидуют. Все нормально.

Увидеть этот человек мог, скорее всего, только водителя и Кравцова. Пассажиры, находящиеся на заднем сиденье, в сумраке автомобиля были не заметны. Но сами они могли рассмотреть человека с велосипедом, поскольку он оставался на свету. Все заметили грязные полосы на его лице, пересекающие и нос. Это ж надо было так испачкаться, прямо как специально!

Кравцов любил смотреть по телевидению, а иногда и по компьютеру фильмы про спецназ. В них бойцы именно так разрисовывали себе лица, маскировались. Но сейчас это ни о чем, кажется, не говорило и ничего не подсказывало. Охранник подумал, что руки у этого человека были грязными. Он пальцами провел по лицу там, где оно зачесалось. Отсюда и темные полосы.

– Какой-то водопроводчик, наверное, – предположил Кравцов. – Трубы на работе позаимствовал. Знает, зараза, наверное, кому продать или уже сразу и поставить дома. А то и просто в металлолом сдаст.

– Да сейчас ведь везде полипропиленовые трубы ставят, – заметил Павел Яковлевич.

– Это у кого деньги есть, – сказал водитель. – А у какой-нибудь старушки, которая на одну пенсию живет, лишних средств никогда не бывает. Ей он и продаст эти трубы. Хоть за полцены. Водопроводчикам тоже жить надо, семьи кормить. Вот они и крутятся, кто как может, воруют помаленьку.

Велосипедист, как ему и полагалось по правилам дорожного движения, преодолел пешеходный переход пешком. Потом он пожелал повернуть налево, но остановился, хотя как раз зажегся зеленый сигнал светофора. Похоже было на то, что трубы разболтались от тряски и под собственным весом. Этот человек встал на одно колено и стал перевязывать обрезки веревки, которыми трубы были притянуты к велосипедной раме.

Зеленый сигнал светофора разрешал двигаться и внедорожникам инвестиционного фонда. Им следовало поворачивать направо, но водитель «Кадиллака» не торопился. Он никак не мог понять, надолго ли застрял перед переходом человек с велосипедом.

– Поехали! – сказал ему Павел Яковлевич.

Он хорошо знал, что если кто-то собирается воспользоваться переходом, то этого человека следует пропустить. Но чучело с велосипедом вроде бы никуда не торопилось.

Неизвестно, сколько простояли бы на перекрестке тяжелые автомобили, если бы им не просигналила какая-то машина сзади, которая собиралась поворачивать вслед за «Лендкрузером». Гудок был долгим и настойчивым. Водитель «Кадиллака» сдвинул его с места.

Когда он вошел в поворот, дядечку с велосипедом стало не видно из-за кустов. А когда внедорожник окончательно повернул и оказался перед переходом, все увидели, что этот человек так и стоял на одном колене. Только вот теперь он наставил на автомобиль одну из своих водопроводных труб прямо как ружье или, того хуже, как гранатомет. Ее свободный конец вместе с велосипедной рамой этот тип зажал под мышкой.

– Гони! Газу давай! – торопливо скомандовал водителю Анатолий Кравцов, выхватил пистолет и стал опускать стекло дверцы, одновременно выставляя руку наружу.

Щелкнул предохранитель. Но до того как прозвучал пистолетный выстрел, раздался другой, несравнимо более громкий.

У Анатолия откинулась голова. Пистолет выпал из его руки прямо на укатанный дорожный асфальт.

Громко, фальцетом, неожиданным для такого крупного мужчины, выругался водитель «Кадиллака». Он отпустил руль и двумя руками ухватился за лицо, хотя и успел резко затормозить. Но это его движение скорее было инстинктивным и даже судорожным, нежели осознанным. Просто нога водителя при повороте автомобиля лежала на педали тормоза, время от времени поджимала его легким касанием. Если бы она находилась на педали газа, то внедорожник резко рванул бы вперед, набирая скорость. Скорее всего, он мог бы выскочить даже на встречную полосу и протаранить какую-то постороннюю машину, поскольку кровь залила водителю оба глаза. Голова телохранителя Кравцова прикрыла его, но лишь частично. Какие-то поражающие элементы заряда все равно в лицо попали и вызвали обильное кровотечение.

Косицин растерялся. Он ждал выстрела в свою сторону, а жертвой стал его телохранитель и родственник, хотя и не кровный. Однако сам Павел Яковлевич не на шутку испугался и растерялся. Он даже заметил, что охранник, сидевший справа от него, как раз с той стороны, где расположился дядечка с велосипедом, откинулся назад. Он словно подставлял Косицина под выстрел, вместо того чтобы прикрыть его собой, как и полагалось бы поступить настоящему телохранителю.

Еще до того как увидел окровавленную голову своего телохранителя, генеральный директор тоже инстинктивно откинулся назад. Он будто пытался спрятаться за того самого правого охранника.

Охранник же слева как сидел в неподвижной позе, так и продолжал сидеть. Может быть, он просто никак не успел среагировать на выстрел и покинул свое место только после того, как внедорожник резко остановился. Правда, при торможении этот парень крепко ударился головой о подголовник сиденья водителя.

В машину генерального директора тут же врезался автомобиль охраны, идущий следом. Однако это не помешало двум телохранителям и начальнику охраны Вольдемарову выскочить наружу достаточно быстро и так же споро выхватить свои пистолеты. Но раздались только два выстрела.

Генеральный директор заметил, что пальнуть в сторону человека, удаляющегося на велосипеде в ближайший двор через арку, успели только тот охранник, который сидел слева от Косицина, и сам отставной полковник КГБ. Остальные просто не смогли толком прицелиться,

сами, похоже, основательно растерялись от неожиданности и в самый критический момент потеряли киллера из вида. Хотя вполне возможно, что они опасались стрелять через тротуар, заполненный людьми, идущими с тяжелыми сумками с колхозного рынка, расположенного неподалеку. Он сохранил свое название, для всех привычное, хотя самих колхозов уже почти не стало.

Косицин обошел свою большую машину, и распахнул переднюю пассажирскую дверцу. При этом он придержал тело Анатолия Кравцова, которое так и норовило вывалиться на дорогу.

– Ничего не трогать! – строго проговорил Вольдемаров. – Павел Яковлевич, отойдите от машины! – Он вытащил мобильник и стал вызывать «Скорую» и полицию.

– Я только хотел ему помощь оказать, – словно оправдываясь, сказал генеральный директор. – Если еще можно что-то сделать.

– Ему помощь уже не нужна. Разве вы не видите? В него же, считайте, из пушки стреляли. Или из гранатомета в голову. Одна только потеря крови уже говорит обо всем. Помощь нужна водителю. Садитесь в нашу машину. Она хоть и не бронированная, но все же целая.

– Что я теперь сестре скажу! – посетовал Павел Яковлевич, одной рукой придерживая тело убитого родственника через опущенное стекло, а второй закрывая дверцу. Он не побрезговал кровью испачкаться. Только пальцами потом тряхнул, отчего багровые теплые капли слетели на асфальт.

– Водитель!.. – напомнил отставной полковник КГБ другим охранникам.

Но Косицин, не пожелавший сесть в «Лендкрузер», уже обходил машину, чтобы посмотреть на водителя.

Где-то вдалеке уже завывала сирена «Скорой помощи». Так быстро приехать она не могла, видимо, находилась где-то поблизости. Там медики и получили вызов.

Глава 2

Старший следователь подполковник юстиции Александр Александрович Соколовский сидел в своем кабинете после очередного допроса и задумчиво пил крепкий чай. Он предпочитал его жиденькому, какой пила его жена, в стакан кипятка обязательно опускал два пакетика заварки.

В этот раз он успел сделать один глоток из граненого стакана, когда по внутреннему телефону его вызвал дежурный и потребовал немедленно отправляться на выезд.

– А что, дежурная группа у нас сейчас сильно занята? – недовольно спросил Соколовский.

– Сидит в своей комнате, тебя дожидается. Вместе поедете, – ответил дежурный. – Ведь дело о покушении на Косицина именно ты ведешь, да?

– Я веду, – подтвердил подполковник этот очевидный факт. – А что произошло? Я уже подготовил дело к закрытию. Там все такое же кристальное, как водка.

– Повторное покушение.

– Того не легче! Сам-то генеральный директор жив?

– Жив. Убит только его телохранитель.

– Анатолий Кравцов?

– Кажется. Но я точно фамилию не назову. Помню только, что зовут Анатолием. Михайлович, кажется, по отчеству. Если хочешь, я сейчас в своем журнале посмотрю.

– Не надо. Я помню. Михайлович.

– Нам только что позвонили из районного отдела. Их бригада уже на месте работает. Поспеши, а то менты народ такой. Они мигом все следы затопчут. Я машину тебе вызову.

– Значит, с Кравцова подозрения снимаются. А то он у нас одним из главных подозреваемых изначально был. Я его считал соучастником. Ладно. Вызывай машину. Я уже бегу, – проговорил Сан Саныч, наморщил в раздумье лоб и никуда не побежал.

Сначала он остановился перед открытым окном, задвинул шторы, но не стал захлопывать створки. Потом, словно опомнившись, опять раздвинул эти шторы, посмотрел во двор, увидел, что машина, скорее всего, предназначенная ему, уже выезжает из ворот во двор. Соколовский снова задвинул шторы, второпях двумя большими глотками выпил полстакана уже остывающего чая. Потом он устроил стакан на самом краю тумбочки так, чтобы тот стоял не на пластиковой кружевной салфетке и не оставил на ней темный круглый отпечаток.

Лишь после этого Сан Саныч вернулся к своему рабочему столу, вытащил из сейфа пистолет, убрал его в подмышечную кобуру и вышел из кабинета. Он забыл запереть сейф, хотя связку ключей все же положил в карман. В коридоре подполковник обернулся, хотел было вернуться и закрыть створки окна, но делать этого не стал, махнул рукой. Через несколько секунд ключ провернулся снаружи в дверном замке. В коридоре послышались тяжелые шаги, направленные в сторону лестницы, ведущей на первый этаж.

Примерно через полчаса после этого над забором с торца двора показалась со стороны улицы голова человека в черной вязаной шапочке. Сначала, издали, любому человеку, наблюдающему за этим со стороны, могло бы показаться, что шапочка эта странным образом порвана, свисает лоскутьями на впалые щеки, остро торчащие скулы и нос. Однако потом любопытному зрителю стало бы понятно, что это лицо просто испачкано чем-то черным. Должно быть, пальцы у этого человека были грязными, и он провел ими несколько раз по лицу крест-накрест, просто почесал себе одну щеку, а потом, не отрывая их от лица, и другую.

Человек, выглядывающий из-за забора, заметил, что в беседке-курилке сидит водитель в темно-серой полицейской форме. Он держался спиной к этому субъекту, то есть не видел

его. Однако тот на всякий случай торопливо скрылся за металлическим забором, сделанным из профилированного стального настила. Он чаще всего используется именно для возведения заборов и сооружений кровель. Хотя в последнем случае в дело идет и листовая металлическая черепица. Все это зависит от вкуса и финансовых возможностей каждого отдельного человека. Металлочерепица стоит существенно дороже.

Человек, укрывшийся за забором, услышал, как хлопнула дверь, проделанная в створке ворот гаража. Он заметил ее заранее, при быстром осмотре двора, и даже оценить успел. Как же ей не хлопнуть, когда она притягивается мощной сдвоенной пружиной. Этому субъекту оставалось понять причину возникновения этого звука. Водитель в полицейской форме покурил и ушел, или к нему кто-то решил присоединиться?

Человек в шапочке потянул носом. Ему, никогда в жизни не курившему и вообще не знающему вкус сигаретного дыма, хотелось определить это и сделать свой вывод. Запаха дыма он вообще не уловил, хотя легкий ветерок мог относить его из небольшого двора и совсем в другую сторону, вбок. Но ждать ему долго не хотелось, да и время не позволяло.

Тогда человек за забором рискнул, снова высунулся и сразу спрятался точно так же, как и в первый раз. Он сделал это просто на всякий случай, а не по необходимости. В беседке и во дворе не было никого.

Только после этого мужчина в вязаной шапочке позволил себе заняться по-настоящему внимательным осмотром. Он приподнялся. Глаза его быстро пробежали по всему двору и легко отыскивали то, что ему было нужно.

Он не знал точно, но вполне резонно предполагал, что во дворе должна быть какая-то емкость с металлоломом или, на худой конец, с остатками деревообработки. Наблюдатель учитывал и тот факт, что здание следственного комитета было не особенно большим, всего-навсего двухэтажным, но в нем имелись газовые и водопроводные трубы, туалеты, канализация. Следовательно, кто-то все это бытовое хозяйство должен был обслуживать.

Конечно, человек в черной вязаной шапочке вполне допускал, что такими делами могут заниматься и работники ближайшего ЖЭКа. Но все же он небезосновательно предполагал, что в здании районного отдела полиции, расположенном рядом, должен располагаться хозяйственный отдел или что-то в этом роде, только с другим названием. У этого отдела должны быть собственные мастерские.

А где их расположить, как не в гараже! Там самое подходящее место для них. Заодно и в ремонте машин слесари, сварщики и прочие работяги помочь могут. В районных отделах внутренних дел новых машин практически и не бывает. Менты там только и заняты тем, что старые ремонтируют. Это дело для них самое обыкновенное, вполне привычное и даже очень полезное. Знающие люди говорят, что физический труд бережет людей от инфарктов и инсультов.

Наблюдатель знал, что в следственных управлениях с транспортом вообще большие проблемы. Им достается только то, что уже прошло через руки ментов или водителей гаража прокуратуры.

Человек в вязаной шапочке окончательно убедился в том, что двор следственного управления пуст. После этого он ухватился двумя руками за верх забора, пару раз встряхнул металлические листы, словно пытался убедиться в их прочности, и легко перепрыгнул через ограду. Прежде данный субъект стоял на ступеньке лестницы, приставленной к забору с внешней стороны.

Сразу после приземления он отпрыгнул в сторону, в высокую и густую траву, украшенную светло-голубыми цветами, хорошо растущую поверх всякого строительного мусора, оставленного здесь, судя по всему, много лет назад. Выпрямляться этот человек не стал.

Причиной такого поведения послужило то обстоятельство, что дверь в воротах гаража снова открылась. Оттуда вышли два человека. Один в цивильном костюме и даже в сорочке с галстуком, второй в рабочей спецовке, с лицом, испачканным тремя полосами мазута или

какого-то темного отработанного машинного масла. Видимо, он тоже нечаянно мазанул себя по лицу грязными пальцами, и сам того не заметил. Никто ему ничего не подсказал.

Однако свою задачу человек в вязаной шапочке видел, похоже, не только в том, чтобы следить за тем, что происходило во дворе гаража. Он хорошо помнил, что с другой стороны туда выходят окна следственного управления. Любо́й человек, выглянувший в одно из них, наверняка заинтересуется его действиями.

Поэтому данный субъект несколько раз пробежал по окнам внимательным, настороженным и сосредоточенным взглядом. Никакого подозрительного движения он там не заметил, хотя угол обзора у него был невелик и просмотреть все окна здания было просто невозможно.

Кроме того, человек этот был, судя по всему, неплохо знаком с кабинетами такого рода. Он понимал, что в тесных помещениях, во-первых, обычно сидит по одному человеку. Во-вторых, рабочий стол чаще всего ставится так, чтобы хозяин кабинета располагался спиной к окну или у стены. Надо, чтобы свет из окна падал с левой стороны, если только хозяин кабинета не левша. В таком случае свет должен падать справа. Важно также, чтобы стол стоял под лампочкой, потому что весной и осенью рано приходится включать искусственное освещение. Но в любом из этих случаев человеку, находящемуся в помещении, сложно наблюдать за тем, что происходит во дворе, особенно если у него нет определенного интереса к этому.

За окнами следственного управления никого излишне любопытного видно не было.

Мужчины, вышедшие во двор, остановились у контейнера кубической формы, из которого торчали различные обрезки дерева и металла, видимо, приготовленные на выброс. Человек в гражданской одежде наклонился и большим штангенциркулем измерил стальной уголок, хотя любой слесарь просто-напросто обязан знать по внешнему виду, какой из них перед ним находится. Потом он показал второму на него пальцем и что-то тихо сказал.

Мужчина в спецовке вздохнул, с обреченным видом вытащил из контейнера несколько других железяк, мешающих ему, а потом и сам этот уголок. Он сразу понес его в гараж. Человек в гражданском костюме поспешил за ним и даже проявил вежливость, дверь придержал, помогая войти.

Только после того, как дверь, судя по громкому звуку, опять закрылась, новый посетитель двора высунул голову из-за зарослей высокой травы. Он слегка прищурил глаза, осмотрелся, после чего, не теряя дверь в гараж из вида, стремительно метнулся к тому же контейнеру с обрезками металла и дерева. Мужчина в вязаной шапочке вытащил из него несколько полос стального уголка и пару обрезков деревянного бруса.

Дальше, соблюдая все тот же темп передвижения, он устремился к двери, сделанной в воротах гаража, подпер ее уголками и укрепил брусом. После чего данный субъект сразу оказался у вторых ворот, где была точно такая же дверь, видимо, закрытая изнутри. Похоже было на то, что ею давно никто не пользовался. Наверное, поэтому она выглядела почти новой.

Человек в шапочке подпер снаружи и ее. Он понимал, что открыть эту дверь изнутри и не вовремя выйти во двор труда ни для кого не составит. Вслед за этим мужчина снова посмотрел на окна областного следственного управления, опять никого подозрительного не увидел ни на первом, ни на втором этажах. Только после этого он метнулся под стену самого здания.

Видимо, человек этот заранее все рассмотрел из-за забора. Может быть, он наблюдал за двором и раньше, причем даже длительное время. Не просто же так этот тип сразу оказался рядом с газовой трубой, достаточно толстой и прочной для того, чтобы выдержать вес любого, даже самого полного человека. Надо сказать, что этот незванный посетитель двора излишков жира не имел, был вполне себе сухощавым.

Труба выходила из кирпичного куба, уходящего под землю у той же самой стены, поднималась до уровня межэтажного перекрытия и тянулась дальше. Там от нее отходило тонкое ответвление, углубляющееся прямо в стену. Человек в вязаной шапочке знал, что за ней нахо-

дился буфет. Это место было не слишком аккуратно заляпано цементным раствором, не дающим зимой проходить в помещение холодному морозному воздуху.

Дальше труба проходила над домовой аркой, через которую автомобили выезжали из гаража, и снова резко опускалась, ныряла в землю. Зачем кому-то понадобилось тянуть эту трубу поверху лишние пять метров, когда можно было оставить ее под землей, было непонятно. Может быть, раньше буфет находился в другом помещении, или же в планах руководства следственного управления было перенесение его куда-то еще.

Но такие тонкости человека в вязаной шапочке не сильно волновали. Теперь никто из людей, работающих в гараже, кажется, не мог ему помешать. Для этого кому-то пришлось бы в окно выбираться.

Он, не теряя времени даром, обхватил трубу руками и ногами и полез по ней вверх до самого поворота. Только там этот мужчина обратил внимание, что труба расположена слишком близко к стене. Значит, просто идти по ней, придерживаясь за эту стену, было трудно, почти невозможно для человека не подготовленного.

Вдобавок человеку в вязаной шапочке предстояло миновать два кабинетных окна, за которыми кто-то мог находиться. Следовательно, эти люди запросто могли его увидеть. Значит, у данного субъекта возникали трудности с передвижением. Просто сесть на трубу и так передвигаться было невозможно, поскольку нога мужчины не пролезла бы между собственно трубой и стеной.

Но эти трудности нашего героя не остановили. До ближайшего окна он дошел так, как и предполагал изначально. При этом ему приходилось прижиматься к стене спиной и держаться за нее не пальцами, а, по сути дела, лопатками, которые быстро устали, были непривычны к такой работе и вообще от природы лишены хватательного рефлекса. Но дистанция, к счастью, составляла всего полтора метра.

Окно было открыто. За ним кто-то сидел за своим рабочим столом и разговаривал по телефону. Этот человек располагался к окну затылком, словно просил по лысине себя ударить. Но в планы человека в вязаной шапочке не входило желание бить кого-то по голове просто так, за здорово живешь.

Он только прислушался к одностороннему разговору, ведущемуся на повышенных тонах.

– Что там за шутник у вас в отделе завелся? Я так понимаю, что кто-то постарался по всем стульям клей разлить, чтобы у народа штаны прилипли. Иначе как объяснить всеобщее бездействие в такой ситуации? У вас совести совсем нет, мать вашу так!

Голос этого человека звучал грозно и ехидно. Должно быть, его сильно раздражала неторопливость тех работников, о которых он говорил. Но сам этот руководитель находился в таком возбужденном положении, что был не в состоянии прислушиваться еще и к тем звукам, которые сейчас вполне могли доноситься до него из-за распахнутого окна.

Человеку в вязаной шапочке это было только на руку. Он просто присел на корточки и двинулся дальше, придерживаясь пальцами за металлический оконный слив. Этот способ передвижения оказался даже чуть более легким, нежели прежний.

Однако оконный слив не тянулся вдоль всего здания. Мужчине тут же пришлось снова выпрямиться и опять двигаться боком, пытаясь цепляться за стену лопатками. Но путь до следующего окна был недолгим, составлял всего-то пару метров.

Второе окно было закрыто, но из кабинета доносился скрип досок пола. Человек, который там находился, видимо, считал, что идеомоторный акт, каковым ходьба от стены до стены и является, помогает лучше соображать.

Тут, наверное, стоит сказать, что любой идеомоторный акт сводится к появлению нервных импульсов, обеспечивающих движение, как только возникает представление о нем. Стоит только человеку один раз подумать о том, что ему следует идти или бежать, как его ноги сами

начинают выполнять все необходимые движения. Их обладатель может при этом думать о чем угодно.

В этом, вероятно, хозяин кабинета был прав. Человек в вязаной шапочке по себе знал, что ему лучше и яснее всего думается именно во время бега или какой-то монотонной работы. Когда-то ему даже стихи удавалось сочинять в такие моменты. Правда, их он не записывал, но знал силу идеомоторного акта, прекрасно понимал, откуда в его голову приходят образы и рифмы. А между ходьбой и бегом разница, в принципе, небольшая. Она сводится только лишь к скорости перемещения нижних конечностей.

Но здесь, в этом кабинете, не господствовало возбуждение, отвлекающее внимание, поэтому можно было ожидать каких-то неприятностей. Мужчине пришлось проявить повышенную осторожность. Он все так же подsunул пальцы под оконный слив, держался ими и передвигался чуть ли не по сантиметру в сторону следующего окна, которое и интересовало его.

Человек в вязаной шапочке с этой задачей справился, хотя и не сказать, что без проблем. Раньше, на тренировках, он спокойно проходил гусиным шагом больше километра. Теперь же бедра его начали быстро затекать и забиваться ватой. Похоже, сказывалось общее напряжение и непривычно короткий шаг.

Но это мужчину не останавливало. Теперь, после передвижения в согнутом положении, переход по трубе, когда он опять держался за стену лопатками, показался ему довольно легким.

Человек в вязаной шапочке знал, что хозяин кабинета, нужного ему, уехал. Он сам видел, как тот садился в машину, которая выехала из гаража через арку. Тем не менее, добравшись до окна, этот субъект сначала предпочел как можно аккуратнее заглянуть за занавеску. Для этого ему пришлось двумя руками взяться за оконный слив, присесть и чуть приподняться на цыпочки. Весь кабинет так был виден очень хорошо. В нем, как мужчина и ожидал, никого не оказалось.

Окно этого помещения было приоткрыто. Человек в вязаной шапочке, разумеется, не рассчитывал на такой вот подарок судьбы и загодя приготовил инструмент. Это был циркуль на присоске. Колесико с алмазным напылением очерчивало по стеклу окружность, в которую потом можно просунуть руку, чтобы открыть окно. Эта штуковина лежала в кармашке рюкзака, который висел у мужчины на плечах, но не за спиной, как это обычно бывает, а спереди, чтобы не мешал при передвижении по трубе держаться за стену.

Забраться в открытое окно было делом нескольких секунд. Мужчине для этого пришлось всего лишь пошире распахнуть створку.

Вторая стояла в оконном проеме намертво, будто здесь и родилась. Даже естественная щель не просматривалась, потому что была плотно залита краской.

Благо ноги у человека в вязаной шапочке поднимались легко, показывая общую гибкость тела. Пол в кабинете неприятно скрипел. Ему пришлось ступать осторожно, чтобы этот звук не услышали люди, находящиеся где-то за стеной и, наверное, знающие, что хозяин этого помещения уехал на вызов.

Мужчина сразу прошел к сейфу, по пути снял с плеч лямки рюкзака. Он уже растянул веревку в кольцах и набросил рюкзак на этот металлический ящик, сравнительно небольшой, в две полки. Видимо, этот человек намеревался целиком пристроить его себе на плечи, чтобы здесь не возиться с замком, однако увидел, что дверца легко открывается.

Тогда он снял рюкзак с сейфа, положил его на стол и вытащил на свет божий сейфа целую кипу различных папок. Наш герой хотел просмотреть их, но тут услышал удары, раздававшиеся за окном. Кто-то пытался изнутри раскрыть двери гаража, но они были прочно заблокированы.

Человек в вязаной шапочке догадывался о том, что произойдет дальше. Он бросил взгляд на дверь, ведущую в кабинет, определяя, на какой замок она закрыта. Тот был врезной, не

накладной, следовательно, открыть его просто так, отжав монтировкой, со стороны коридора было довольно сложно. Слишком велик был риск повредить дверь.

Только после этого человек придвинулся к окну и посмотрел в узкую щель между занавесок. Он убедился в том, что не ошибся.

Люди, находящиеся в гараже, поступили точно так, как этот мужчина и ожидал. Они не стали мучиться открыванием двери и даже дежурному по управлению, скорее всего, не позвонили, не попросили его прислать своего помощника для их вызволения. Работяги опасались насмешек, думали, что оказались жертвой чьей-то глуповатой шутки. Однако они быстро сообразили, что надо делать, и распахнули створку ворот. После этого пролетарии сняли подпорки у двери, теперь стояли во дворе и обсуждали это непонятное происшествие.

Эти люди не предполагали, что своим присутствием отрезали путь отхода человеку в вязаной шапочке. Но он нисколько не отчаялся, сложил в рюкзак несколько папок из сейфа. Правда, мужчина предварительно заглянул в них. Он не желал рассматривать все уголовные дела на месте, хотя только что подумывал о том, чтобы сфотографировать то, что его интересовало, и не давать намека на особое отношение к какому-то конкретному материалу.

После этого человек в вязаной шапочке забросил на плечи лямки рюкзака, а из кармана достал набор отмычек на большом кольце. С дверным замком он провозился пару минут, выйти, однако, не поспешил, потому что услышал торопливые шаги в коридоре.

Похоже было на то, что следователи спешили во двор, чтобы профессионально разобраться с происшествием, приключившимся там, и определить виновника этой не самой умной шутки. Может быть, некоторые из них при этом предполагали, что это не просто дурачество, а некое действие, совершенное с определенной целью. Только вот сказать о ней навскидку никто ничего, кажется, не мог.

Кто-то из них окликнул постового, несшего службу на выезде со двора. Тот ничего не сказал, попросту не видел, хотя был первым подозреваемым.

Шаги наконец-то стихли. Кто хотел и имел свободное время, тот поспешил во двор.

Но сразу вслед за этим послышались другие шаги. Определенно женские, судя по стуку каблучков, хотя и весьма тяжеловесные. Они приближались и стихли прямо перед дверью кабинета, в котором находился человек в вязаной трикотажной шапочке. Он ухватился за ручку обеими руками в трикотажных рабочих перчатках. Они слегка скользили, поэтому ему пришлось сжимать ручку с немалой силой. Вдруг у этой особы есть ключи?

В дверь кто-то постучал, потом, после минуты ожидания, еще раз, теперь уже громче и требовательнее. Потом женщина, стоявшая в коридоре, подергала за ручку и поняла, что дверь заперта. Ключей у нее, видимо, не было.

Какое-то время в коридоре царил тишина. Человек в кабинете не сразу понял, чем она вызвана. Но потом женщина подсунула под дверь записку. Мужчине пришлось даже ногу сдвинуть в сторону, чтобы позволить ей беспрепятственно попасть в кабинет.

Он наклонился, поднял с пола лист бумаги, сложенный вдвое, развернул его и прочитал: «Александр Александрович, Валерий Захарович просил вас зайти к нему, как только вернетесь».

Это автоматически означало, что старший следователь подполковник юстиции Соколовский должен был вскоре возвратиться на рабочее место. Значит, требовалось поторопиться.

Но делать это надо было так, чтобы не оставалось следов. Относительно отпечатков пальцев человек в вязаной шапочке не беспокоился. Он не снимал с рук трикотажные рабочие перчатки. Его пока никто не видел, была надежда, что так будет и дальше.

Он дождался, когда звук женских шагов удалится за поворот коридора, к лестнице, только после этого слегка приоткрыл дверь, выглянул, потом распахнул створку пошире и сразу двинулся влево, в сторону, противоположную лестнице, спускающейся на первый этаж.

Последняя дверь с левой стороны вела в мужской туалет. Там было окно, выходящее на торец здания, как раз к тому месту, где этот человек оставил свой велосипед.

Он прислонил его к стволу старой, давно уже, видимо, не плодоносящей яблони. Она здесь осталась, похоже, с тех еще времен, когда в этих местах стояли частные дома. Они были снесены лет этак пятьдесят назад. Тогда еще яблоня была, наверное, молодой и плодоносящей. Сейчас же листья по сезону облетели, но плодов, даже вялых, на ветвях видно не было. Не валялись они и в листве, на земле. Значит, дерево уже доживало свои последние годы, и ствол был изнутри гнилым.

Рядом с велосипедом стоял сержант полиции и внимательно рассматривал его.

Человек в вязаной шапочке слышал приближающиеся голоса и звук шагов многих людей и сделал вполне оправданный выбор в пользу одного противника против нескольких. Он забрался на подоконник, проверил, не оставляют ли после себя на белом подоконнике следы его берцы армейского образца, ничего подобного не увидел и спрыгнул, ничуть не сомневаясь в себе, со второго этажа, туда, где стоял сержант полиции. Рюкзак за плечами ему при этом не помешал. Судя по тому, как пружинисто мужчина приземлился, этот прыжок был для него не слишком сложным.

Он быстро подскочил к сержанту, пожелавшему что-то спросить и уже открывшему было для этого рот, на ходу вытащил из кармана куртки деревянный прямоугольный брусок, оструганный на концах до толщины человеческого пальца, и резко ударил им сотрудника полиции в место изгиба нижней челюсти, как раз туда, где сонная артерия разделяется на внешнюю и внутреннюю. Сержант упал сразу, не отлетел в сторону, а просто осел на землю. Глаза его помутнели и сразу закатились. После удара в сонную артерию даже слон потеряет сознание, особенно если сделать это правильно.

После чего человек в вязаной шапочке сел на велосипед и нажал на педали. Он отъехал на квартал и вспомнил, что забыл убрать лестницу от забора.

«Надо же. Правильно люди говорят, что старость не радость. Запомню. Но не возвращаться же. Надо было хотя бы в кусты ее забросить. Но не с собой же ее, в конце-то концов, тащить. Не к велосипеду же привязывать. Лестница деревянная и тяжелая. Одно дело сюда ее доставить, совсем другое унести назад, когда сильно торопишься», – подумал этот мужчина и поехал быстрее.

Глава 3

Подполковник Соколовский приехал к себе в управление как раз к моменту, когда следователи толпой возвращалась со двора и вполголоса обсуждали то, что там случилось.

– По какому поводу сабантуй? – поинтересовался Сан Саныч. – С обеда объявлен нерабочий день? В честь чьего дня рождения? Или у вас сегодня забастовка?

Соколовский узнал суть дела и сразу почувствовал беспокойство. Обгоняя коллег, шагая по лестнице через ступеньку, он миновал стойку дежурного, который поднялся с кресла и протянул руку словно в приветствии, желая что-то ему сказать. Потом Сан Саныч поднялся по лестнице на второй этаж, чуть не бегом пролетел по длинному коридору, оказался перед дверью своего кабинета и толкнул ее. Она сразу открылась. А ведь он отлично, совершенно отчетливо помнил, как вставлял в замочную скважину ключ и дважды поворачивал его.

Только после этого подполковник спохватился, вытащил пистолет, опустил предохранитель, передернул затвор и шагнул за порог. В глаза ему тут же бросилась слегка приоткрытая дверца сейфа. Соколовский заглянул в него.

– Ясно, – сказал он сам себе, поскольку в кабинете больше никого не было. – Некоторые дела похищены. Кто же это у нас такой наглый? Это большой вопрос, очень важный!

Его привычка разговаривать с самим собой опять проявилась. Соколовский хорошо знал такое вот свое свойство. Обычно, особенно после ворчания по этому поводу жены и ее обещания направить мужа на прием к знакомому психиатру, он старался себя контролировать, но время от времени не сдерживался, особенно в моменты волнения.

В производстве у подполковника Соколовского находилось немало дел. Четыре из них были связаны с убийствами, три касались разбойных нападений. Но личности, подозреваемые в совершении всех этих семи преступлений, уже пребывали под стражей.

Находясь в следственном изоляторе, практически невозможно совершить похищение документов из сейфа, находящегося в кабинете следственного управления. Правда, это в состоянии сделать помощник или какой-нибудь подельник одного из преступников, но таковых личностей навскидку не просматривалось. Убийства были бытовыми, связанными с непробудным семейным пьянством, а все разбойные нападения совершены подростками-малолетками. У каждого из них, естественно, имеется куча друзей, но едва ли кто-то из этих пацанов может решиться нанести среди ясного белого дня визит в следственное управление.

Да, учинять такое днем – это нонсенс. Для этого требуется предельная наглость или же элементарное презрение к действиям правоохранительных органов.

Говоря честно, Сан Саныч не помнил, закрывал он сейф на ключ или не делал этого. Но он решил твердо стоять на том, что сейф был вскрыт точно так же, как и дверь в кабинет. Благо замок здесь достаточно простой, не кодовый. Для специалиста-домушника он никак не должен стать препятствием.

Правда, судя по большинству дел, которыми подполковнику Соколовскому приходилось заниматься в последние годы, воры-домушники теперь чаще прибегали к простому взлому. Они с помощью монтировки отжимали язычок замка или же попросту подбирали ключи.

Хорошо и быстро открывать замки с помощью отмычек в нынешние времена умеют не уголовники, а представители спецслужб. В частности, сам Сан Саныч был неплохо обучен этому нехитрому делу. Пришлось на всякий случай освоить.

Мало ли. Приходишь на обыск какой-то квартиры, звонишь, а к двери никто не подходит. Тогда набираешь номер мобильного хозяина квартиры и сквозь дверь слышишь звонок. Значит, телефон дома. По нынешним временам все обычно носят их с собой.

Тогда и приходится пользоваться отмычками. Естественно, в протокол при этом заносится невнятная формулировка: «произведено вскрытие входной двери». Но и эта фраза часто

бывает излишней, пишется только в том случае, если делать это не лень. Если при обыске обнаружены какие-то улики, или же хозяин квартиры оказывается на месте и при задержании оказывает сопротивление, то про вскрытие двери вообще не упоминается.

Никакая проверка на это внимания не обращала. А они бывали. Ведь областная прокуратура, осуществляющая надзор, находилась рядом. Чтобы попасть туда, надо было только перейти узкую дорогу и подняться на высокое крыльцо.

Тут подполковник Соколовский заметил на полу, у самой двери стандартный лист бумаги, свернутый вдвое:

Он поднял лист, развернул его и прочитал:

«Александр Александрович, Валерий Захарович просил вас зайти к нему, как только вернетесь».

Валерий Захарович – полковник юстиции Спиридонов, руководитель следственного управления. Сан Саныч всю свою сознательную жизнь носил погоны, был человеком предельно дисциплинированным, при вызовах начальства привык отзываться сразу.

Он сунул записку в карман, закрыл дверь на ключ и двинулся на первый этаж.

Там окликнул майор, дежуривший по управлению, и сказал, что полковник Спиридонов потребовал Соколовского к себе, как только тот вернется.

– Я уже иду к нему, – отозвался Сан Саныч, почти презрительно качнув на повороте животом. – Мне записку под дверь подсунули.

В приемную Сан Саныч вошел без стука и мрачно кивнул секретарше Лидочке. Она в ответ только качнула крупной оправой очков, посчитала это вполне достаточным встречным приветствием.

– Вызывал?.. – спросил Соколовский, ткнув пальцем на дверь, ведущую в кабинет.

– Ждет. Уже интересовался, – ответила Лидочка и улыбнулась, показала ямочки на щеках.

Это выглядело так мило, что немолодому подполковнику юстиции, несмотря на скверное настроение, захотелось схватить ее двумя пальцами, большим и указательным, за пухлую щечку и потрепать, как он порой обходился с внуками. Но ему сразу вспомнились необыкновенно толстые, всегда опухшие ноги секретарши, и это желание пропало, едва успев появиться.

Соколовский постучал в дверь кабинета, распахнул ее и шагнул за порог.

Полковник сидел за своим рабочим столом, склонился над какими-то разрозненными бумагами, не подшитыми в папку с уголовным делом. Поверх этих документов лежал журнал с кроссвордами. Полковник был большим любителем разгадывать их, уверял всех в том, что сам этот процесс чем-то сродни следствию. Он существенно повышает общий интеллект любого человека. В результате это увлечение, одобренное руководством, стало в управлении повальным.

– Вызывали, Валерий Захарович? – зачем-то спросил подполковник, хотя отлично знал, что так оно и было.

Спиридонов загнул угол страницы в толстом журнале с кроссвордами, чтобы потом было легче найти ее, отложил журнал в сторону, на правый угол стола, и проговорил:

– Мне тут, Сан Саныч, звонили из прокуратуры. Интересовались делом о покушении на Косицина. Мол, в какой стадии расследование? Этот человек небезразличен для администрации области. Там на него, как я понимаю, свои планы строят.

– Какие планы могут быть на этого прощелыгу? – в свою очередь полюбопытствовал старший следователь, хотя отлично знал ответ на этот вопрос.

– Согласно слухам, Косицин является основным претендентом на должность вице-губернатора. Так что там с покушением?

Сан Саныч произвольно икнул и ответил:

– Сегодня было повторное нападение. Убит телохранитель, родственник Косицина. Сам этот деятель не пострадал, только сильно напуган, хотя старается вида не подавать. Я как раз только что с места происшествия вернулся.

– Я в курсе. Мне дежурный доложил. Есть новые факты?

– Пока, товарищ полковник, есть только недоумение.

– Рассказывай!

– Вначале я считал, что дело проще пареной репы. Первое покушение оказалось безрезультатным. Косицин лишился глаза, значительно пострадало его лицо. Самодельное стреляющее устройство представляло собой трубку. Вместо пороха использовались обыкновенные спичечные головки, а в качестве поражающих элементов – битое стекло от бутылок. Преступник – старик, ветеран войны, имел многочисленные боевые награды. Он был убит после покушения. Телохранитель ударил его кулаком, когда увидел эту трубу у него в руках. Он не мог знать, заряжена ли эта самоделка. Его удар был результатом простой защитной реакции. Старик упал, ударился виском о кромку письменного стола и тут же умер. «Скорая помощь» ему не понадобилась. Допросить его я не смог. Мы собирались возбудить против телохранителя уголовное дело о превышении мер необходимой обороны, но экспертиза посчитала, что ничего подобного не было. Действия телохранителя оказались правомочными. Оружие он не применял, хотя имел при себе пистолет, мог вытащить его, пригрозить или произвести выстрел. В возбуждении уголовного дела по результатам доследственной проверки прокуратура нам отказала.

– А не мог этот телохранитель попросту убрать своего сообщника? – поинтересовался Спиридонов, хитро шуря глаза, считая, что кроме него никто до такого не додумался.

Он единственный такой проницательный человек, который в состоянии подсказать следствию новое направление действий.

– У меня, товарищ полковник, такая мысль тоже изначально была в голове, – проговорил Сан Саныч. – Но потом мне пришлось отказаться от нее. Телохранитель является мужем родной младшей сестры Косицина. О наследстве речи не идет, поскольку сестра, по словам самого Косицина, знакома с содержанием завещания. В нем сказано, что почти все имущество и денежные вклады в случае кончины завещателя достаются его жене и сыновьям. Сегодняшние события подсказывают, что Косицин был прав. Во время второго покушения был убит его телохранитель Кравцов. Признаться, я этого нападения не ожидал. Как, наверное, и сам Косицин, хотя он усиленно берегся, окружил себя охраной, через которую и коннице Буденного не пробиться. Но откуда взялся новый преступник? Разве что появился еще один человек, обиженный на паевой инвестиционный фонд. Кто-то посчитал себя ограбленным. Иного мотива для покушения я лично не вижу, хотя стараюсь смотреть на ситуацию широко открытыми глазами и не затуманенным взглядом. Но есть в этом деле некоторые особенности, которые не дают мне покоя.

– Выкладывай, не стесняйся, – с видом старого опытного товарища, даже в большей степени наставника, чем руководителя, проговорил полковник.

– Слишком уж много совпадений, похожестей имеется в двух этих покушениях.

– Говори конкретнее. Что тебя смущает?

– Использование самодельного стреляющего устройства как в первом, так и во втором случае. Словно это все продумал и подготовил один и тот же человек. Только исполнители разные. Такое вот мнение у меня сложилось. И еще...

– Что еще?

– Мы до сих пор не можем определить, где проживал в течение года Рыбаков.

– А это кто?

– Антон Петрович Рыбаков, это тот самый ветеран войны, который совершил покушение на Косицина, стрелял в него. Свою двухкомнатную квартиру он продал, все деньги вложил в

паевой инвестиционный фонд. Фирму, купившую это жилье, мы нашли без труда. Квартира была на первом этаже, сейчас там магазин. Он туда ни разу не заходил. Они не знают, где жил все это время Рыбаков. Кажется, дед собирался куда-то в деревню на время перебраться, к другу или к родственнику. Но это только слухи. Друзья у него уже почти все умерли по причине преклонного возраста, а родственников в городе и окрестностях не осталось. Так, по крайней мере, данные, хранящиеся в наших компьютерах, говорят.

– Значит, надо друзей его поконкретнее искать. Опросить бывших соседей. С кем-то ведь он наверняка общался. У нас есть и больница, и поликлиника для ветеранов боевых действий. Наверняка там должны знать его домашний адрес.

– С этого мы и начали. Но Рыбаков предпочитал лечиться народными методами, к врачам практически не обращался. Для своих лет он был удивительно здоровым человеком. Его, говорят, даже простуда не брала. Каждый вечер дед принимал холодный душ.

– А военкомат ты упустил из вида? Там все ветераны на учете состоят.

– В военкомате только старый адрес. Мы обращались. Нет его нигде, словно в воздухе растворился.

– Но хотя бы почту он какую-то получал? Адрес можно найти.

– В том же паевом инвестиционном фонде его почтовый адрес только один – до востребования. Почтовые работники, естественно, этого старика не помнят.

– А пенсия? – осведомился полковник. – Уж ее-то он наверняка получал.

– Пенсия ему перечислялась на пластиковую карту. Время от времени он снимал с нее небольшие суммы. Домашний адрес в пенсионном фонде значится старый.

– А родственников найти не пробовал?

– В живых только внук, Александр Алексеевич Рыбаков, старший лейтенант спецназа военной разведки. Служит в соседней области. Я с ним разговаривал по телефону. Тип не очень разговорчивый, удивился, когда узнал, что дед продал квартиру. Они два с лишним года не виделись, только общались по телефону время от времени. Поступок деда попросту ввел старшего лейтенанта в ступор. Как только мы будем готовы выдать тело, он приедет, чтобы похоронить старика. Обещал, по крайней мере, это сделать, если его со службы отпустят. Где старик мог жить, внук не подозревает. Сейчас только, уже в вашем кабинете, товарищ полковник, у меня вдруг появилось подозрение.

– Выкладывай!

– Может, второе покушение совсем не на Косицина было совершено?

– То есть?

– Вдруг преступник изначально планировал убить именно телохранителя, а вовсе не генерального директора паевого инвестиционного фонда?

– В смысле?

– Хотел отомстить за деда.

– Думаешь, внук?

– Чем черт не шутит. Я, честно говоря, сам только однажды встречал дело с участием солдата спецназа ГРУ. Даже не офицера. Наломал тогда этот солдатик дров по причине ревности. Тройное убийство, и практически никаких следов. Да я и от других слышал, что это за народ. А здесь офицер. От такого человека многого можно ожидать. Подготовка у него великолепная. Он сделает все так, что не подкопаешься, ничего не докажешь. Умышленно нас в сторону уведет.

– Да, такое вполне может быть, – сказал Валерий Захарович и постучал в задумчивости тупым концом карандаша по настольному стеклу. – Ты эту версию проработай основательно. Возьми машину, сгоняй в соседнюю область. Только осторожно. Сам говоришь, от этих парней всего можно ожидать. Закопают живьем и могилу замаскируют так, что и с собаками не найдешь. Но и версию о покушении на генерального директора не забывай. Месть, это, конечно,

мотив. Но необходимо и другой искать. Например, людей, недовольных деятельностью паевого инвестиционного фонда. Возможно, такова и окажется разгадка. – Спиридонов встал во весь свой невеликий рост, чтобы хотя бы так возвыситься над старшим следователем, сидящим на стуле. – А мне нужно подготовить отчет в Москву. Сегодня буду отправлять. Так что иди пока. Да, что там за шум в гараже был? Не в курсе?

– В курсе, товарищ полковник. Как раз по этому поводу хотел вам пожаловаться.

Спиридонов посмотрел на часы и спросил:

– За пять минут выложишь?

– Быстрее надеюсь управиться.

– Тогда слушаю.

– Какой-то злоумышленник подпер все двери в гараже так, чтобы никто во двор не сумел выйти не вовремя.

– А зачем? – прозвучал резонный вопрос.

– Элементарная превентивная мера предосторожности. Я думаю, даже точно знаю, что злоумышленник через двор проник в один из кабинетов.

– Да, кабинеты, находящиеся на первом этаже, у нас по сути дела не защищены. В том числе и мой собственный. Но мы уже заказали решетки на окна. Поставим их на следующей неделе.

Соколовский нетерпеливо мотнул головой и сказал:

– На втором этаже они защищены не больше. Хотя бы в нашем крыле и в части второго.

– Но там, чтобы до окна добраться, следует хотя бы лестницу поставить.

– Или пройти вдоль стены по газопроводной трубе.

– Эта уязвимость касается только первого окна. Дальше не пройти. Из других окон увидят.

– Но можно ведь и незаметно пробраться.

– Для этого требуются определенные навыки.

– Согласен, – сказал Сан Саныч, упрямо наклонил голову и добавил: – Но у спецназа ГРУ эти навыки есть. У этих ребят подготовка особая, она позволяет и не такие трюки исполнять.

– Ты не заиклился на военной разведке? Если так, то совершенно зря. Это только мешает делу.

– Все остальные факты тоже толкают меня на такие мысли.

– Значит, ты еще не все сказал? Слушаю. Так в чей кабинет проник злоумышленник?

– В мой, – ответил Соколовский с возмущением. – Прямо среди белого дня. Это чрезмерная наглость или, что еще хуже, попытка показать презрение к органам. На такое далеко не все люди способны.

– Понятно теперь. Что взяли?

– Вскрыли сейф, а потом и дверь. Этот тип вышел в коридор, как я полагаю.

– Но мимо дежурного посторонние лица не проходили. У нас же строгая пропускная система.

– Выйти можно было через другой кабинет, хотя я лично не вижу в этом, образно говоря, оперативной необходимости. Или через окно туалета. Под ним высокая куча рыхлой земли лежит. Тренированный человек легко выпрыгнет. Похититель, если он был один, изъясил несколько дел из стопки, находившейся в сейфе. В том числе и папку с делом о покушении на Косицина. Она, впрочем, на самой верхней там лежала. На ней, кажется, еще две папки было. Одно дело об убийстве, второе о разбое. Оба раскрыты. Подозреваемые уже сознались во всем, сидят в СИЗО. В моем компьютере есть копии всех этих материалов. Не зря я, значит, вечерами задерживался, набивал в компьютер все документы. Придется предоставлять их в электронном виде, хотя судьи обычно бывают против. Не любят они зрение перед мониторами портить. Подписанные протоколы допросов, кстати, сфотографированы мной лично и тоже

внесены в компьютер. Есть у меня навязчивое предположение насчет того, что взлом двери кабинета и сейфа связан именно с покушением на Косицина. Остальные папки с делами похищены только для маскировки.

– Это уже серьезно, хотя ты верно заметил, что предположение твое излишне навязчивое. Но где связь дела о покушении с этими событиями? Ты не бежишь впереди паровоза, Сан Саныч, не слишком ли торопишься с категоричными выводами?

– Я подумаю об этом, товарищ полковник, а потом конечный вывод вам доложу докладной запиской. Все по форме.

– Годится, – сказал руководитель следственного управления.

В это время на рабочем столе полковника Спиридонова зазвенел внутренний телефон. Валерий Захарович, знающий, что это прямая связь с дежурным по управлению, лениво протянул короткую руку и взял трубку.

– Слушаю, полковник Спиридонов, – сказал он вальяжно, но слова дежурного, видимо, заставили его подтянуть живот. – Понял. Давай-ка его быстро сюда, ко мне в кабинет.

Глава 4

– Что там? – спросил Соколовский, словно догадался, что новый вопрос может напрямую касаться его.

Хотя он знал, что если этот момент посторонний, то полковник резко и привычно поставит его на место, как уже многократно бывало. Спиридонов не допускал одних следователей к делам, которые вели другие. Он объяснял это тем, что желал избежать путаницы. Вот когда дело будет закрыто, тогда появится возможность обобщить данные и всех с ними ознакомить. До завершения каждому человеку необходимо заниматься решением своих служебных вопросов. Пусть даже в составе следственной бригады.

Но в этот раз полковник посмотрел на подчиненного добродушно и полюбозыблился:

– Ты что, успел и на окно в туалете посмотреть? Предвидел, что преступник через него попытается убежать?

– Никак нет, товарищ полковник. Не успел. Как записку прочитал, так сразу к вам отправился. На окно это я еще раньше смотрел. Была у меня мысль о том, что там спрыгнуть можно легко, тем более имея специальную подготовку.

– Ты уверен в том, что у преступника она имеется? Ведь это, скорее всего, должна быть парашютная подготовка. Есть таковая у спецназа военной разведки?

– Я практически уверен в этом, – ответил Соколовский. – У них даже форма почти такая же, как у ВДВ. Только нарукавные эмблемы разные. У ВДВ – раскрытый купол парашюта, а у спецназа ГРУ – летучая мышь над земным шаром. А что произошло?

– Сейчас узнаешь, – ответил Валерий Захарович, услышав голоса, доносившиеся из приемной.

Дежурный что-то объяснял Лидочке. Она, похоже, не желала сразу пропустить его в кабинет, объясняла, что полковник занят.

– А что же ты раньше про окно не сказал? – поинтересовался начальник следственного управления. – Написал бы рапорт или просто словами сказал бы. Я сразу же принял бы меры, нашел бы людей, заставил бы их кучу срыть. Это не так уж и сложно сделать.

Сан Саныч хотел было ответить, но в это время дверь открылась. Майор Алексей Валерьевич Соловьев, в свободное от дежурства по управлению время являющийся руководителем финансово-экономического отдела, под руку ввел в кабинет нетвердо стоящего на ногах и вроде бы изрядно пьяного сержанта полиции, совсем еще молодого парня. Соколовский тут же встал и придвинул стул, чтобы Соловьев посадил его.

– Что с ним? – сразу спросил полковник. – Хлебнул лишку?

– Кажется, нет, товарищ полковник. Запаха не чувствуется, – сказал Соловьев, помахал перед своим крупным, аккуратно, со вкусом сломанным носом раскрытой ладонью и шумно потянул воздух. – Просто полный нокаут, очень глубокий. Совершенно ясно, что специалист бил. Точно в сонную артерию. – Майор показал пальцем на горло сержанта, куда был нанесен удар.

Там отчетливо просматривалось синее опухшее пятно.

– Очень аккуратно бил, я бы даже сказал, что жалеючи. Мог бы в другое место ударить, – проговорил майор и опять показал пальцем. – Здесь сонная артерия легче пробивается и попасть в нее проще. Можно даже позволить себе некоторую небольшую неточность. Однако существует угроза перебить кадык, а это почти стопроцентная смерть. Это я вам как мастер спорта по армейскому рукопашному бою говорю. В то место, куда был нанесен этот удар, еще попасть надо. Хотя бы вот так. – Соловьев сжал кулак и оттопырил большой палец, показывая, как можно ударить. – Но в данном случае преступник использовал, скорее всего, явару или куботан. От пальца не было бы такой опухоли. Вы не знаете, что это за штуковины, да? Так я

объясню. Явара, она же якивара – разновидность холодного оружия, японский кастет для нанесения тычковых ударов, выполненный из дерева, металла или пластика. Часто используется как парное оружие для обеих рук. Напоминает собой простую палочку, порой бамбуковую. Наносит точечные прицельные удары по акупунктуре человека. Куботан, это явара, выполненная в виде брелока для связки ключей. Может использоваться и как кистень. Удар при этом наносится той самой связкой ключей, что тоже достаточно опасно.

Сан Саныч тяжело вздохнул. Он знал за майором Соловьевым привычку при каждом случае похвастаться. Я, мол, являюсь не только мастером спорта по армейскому рукопашному бою, но даже веду где-то спортивную секцию по этому самому виду единоборств. Этому человеку было совершенно не важно, что он, по сути дела, если говорить гражданским языком, являлся просто главным бухгалтером. Представлялся он везде и всегда как сотрудник следственного управления.

– А сам-то он что, язык проглотил? – недовольно спросил полковник Спиридонов, небрежно кивнув в сторону сержанта.

– Никак нет, товарищ полковник. Просто он до сих пор находится в состоянии грогги, то есть в нокауте. Если с момента нанесения удара уже прошло с четверть часа, то парень придет в себя только минут через пять, никак не раньше. Я это все говорю, исходя из моего опыта бойца-рукопашника. Я с подобными ударами сталкивался уже дважды.

– Тогда для чего ты его мне притащил, такого молчаливого?

– Вы сами приказали это сделать, товарищ полковник.

Старший следователь Соколовский не мог не согласиться со словами майора Соловьева. Он сам слышал, как полковник Спиридонов по телефону приказал ему, дежурящему по управлению, немедленно доставить кого-то к себе в кабинет.

– А я пока объясню, как его нашли, – проговорил майор.

– Объясняй.

– В соседнем с нами здании, как вы знаете, находится районный отдел полиции.

– Нет, не знаю. Я никогда не слышал об этом, – проворчал полковник.

Майор Соловьев не обратил на это никакого внимания и спокойно продолжил:

– Так вот, туда машина с задержанными клиентами возвращалась. Юнцы в торговом центре подрались, вот их и повязали. Старший наряда посмотрел в сторону и увидел ноги. Вернее, как сам сказал, одни подошвы ботинок из кустов торчали. Он подумал, что там пьяный лежит, и машину не остановил. Сначала они отвезли задержанных, оформили, в «обезьянник» закрывали, а одного сразу к дознавателю отвели. Старший наряда про подошвы вспомнил, когда их на другое происшествие отправили. Он приказал машине остановиться, вышел посмотреть. Там сержант лежит, едва-едва дышит. Старший наряда этого парня не знал, побежал к нам, думал, он из наших. Я тоже выскочил. Завели мы его в здание. Он оказался из нашего гаража, помощник механика. Я этому бедолаге пару вопросов все же задать сумел. Дал ему нашатырный спирт понюхать и уши потер. Он сказал, что какой-то дядька, одетый в камуфлированный костюм, из окна выпрыгнул, шагнул к нему и сразу его ударил. Но костюм не обязательно армейский. Такие сейчас работягам в качестве спецовки выдают. Больше сержант уже ничего не помнил. Это и понятно. Он после такого удара жив остался, вот и замечательно, есть причина для радости. Промямлил только, что у яблони стоял велосипед, прислоненный к ней. Старенький такой. Он как раз его рассматривал, когда схлопотал удар.

– Велосипед, говоришь? – с подозрением спросил подполковник Соколовский.

– Да, велосипед, – на полном серьезе подтвердил майор Соловьев свои слова и любопытствовал: – Почему это тебя, Сан Саныч, так удивляет?

– Да, почему? – спросил и полковник Спиридонов.

– Дело в том, что второе покушение на Косицина, сегодняшнее, было совершено как раз велосипедистом. С места преступления этот субъект скрылся именно на старом велосипеде.

Вот я и думаю, а не один ли это человек? Вряд ли двое работали одновременно похожим методом.

– А что, это вполне допустимая версия, – проговорил полковник Спиридонов. – Только опять же лишь предположение, а доказательств у нас пока никаких нет. Их искать надо.

– Я не в курсе сегодняшних событий, поэтому не могу ни согласиться, ни возразить, – уклончиво сказал майор Соловьев.

Подполковник Соколовский начал было объяснять ему суть вопроса, но поймал взгляд руководителя следственного управления и замолчал на полуслове. Майор Соловьев знал, что полковник Спиридонов не любит, когда коллеги вмешиваются в чужие дела, их не касающиеся, проявил благоразумие и никаких вопросов задавать не стал. Так этот момент и повис в воздухе, остался незавершенным.

Майор Соловьев с сержантом, которого все еще требовалось поддерживать под локоть, покинули кабинет.

Старший следователь уже взялся за дверную ручку и собрался последовать их примеру, но полковник задержал его и сказал:

– Подскажи-ка мне вот что, Сан Саныч. Крупный остров между Индийским и Тихим океанами, известный курорт. Четыре буквы. Заканчивается на «и». – Он взял в руки журнал с кроссвордами, недавно отложенный в сторону.

– Не знаю, – думая о своем, ответил Соколовский, открыл дверь и уже шагнул за порог, но спохватился, напряг интеллект, обернулся и произнес: – Наверное, Бали, товарищ полковник.

Вечером того же дня подполковник Соколовский привычно поставил машину на охраняемую стоянку, расположенную неподалеку от дома. Прямо оттуда он позвонил жене и спросил, как обычно, что следует купить в магазине. Она ходить туда не любила, поскольку еще пару месяцев назад поругалась с продавщицей. По ее просьбе Сан Саныч заглянул в это заведение, взял только хлеб на ужин и направился домой.

Между первым и вторым этажами он заметил, что в почтовом ящике что-то лежало. Подполковник юстиции открыл его и вытащил оттуда три уголовных дела из числа тех, которые были похищены из его сейфа сегодня днем.

Сан Саныч задумался, что это могло означать. Он стоял у почтового ящика и не торопился подниматься дальше.

Вариантов, по его мнению, тут было немного, всего три.

Согласно первому, преступник желал показать, что знал, где проживает подполковник. Таким намеком он просто угрожал семье – жене и взрослым сыновьям, старший из которых сам уже имел двоих детей.

Второй вариант сводился к тому, что тот же преступник желал сохранить со старшим следователем почти доверительные отношения. Поэтому он и вернул то, что похитил.

Третий вариант был самым неприятным. На квартиру уже совершено нападение. После этого злоумышленник подбросил в почтовый ящик уголовные дела, чтобы ввести Сан Саныча в заблуждение и заставить его потерять осторожность.

Ни тот, ни другой, ни третий варианты подполковнику не нравились. К доверительным отношениям с преступником, кем бы он ни был, старший следователь по особо важным делам не рвался. Что же касается угрозы семье, то это Соколовский уже проходил не раз. Он знал, что его жена и сыновья умеют себя вести правильно. На провокации они не поддадутся. Младший сын – специалист по карате киокушинкай. Он сумеет правильно себя показать даже в случае вооруженного нападения. Да и у самого Сан Саныча есть пистолет.

Подполковник достал его и дослал патрон в патронник. Он не стал поднимать предохранитель, который одновременно является и запорным механизмом для затвора.

Соколовский спустился на первый этаж, вызвал лифт и поднялся на нем, хотя обычно предпочитал им не пользоваться, считал, что в свои годы обязан без труда осиливать подъем на четвертый этаж. В дверь он позвонил, не желая открывать ее своим ключом. Сердце Сан Саныча радостно забилось, когда он услышал знакомое шарканье шлепанцев жены. Значит, дома было все в порядке. Супруга была довольна его скорым возвращением. Вслух она этого не сказала, но мужу было довольно и одного только ее взгляда.

Однако Сан Саныч решил все же позвонить домой Валерию Захаровичу и поставить его в известность о том, что случилось. Такой неожиданный и нестандартный возврат похищенных уголовных дел – это все же происшествие не самого рядового порядка.

Сан Саныч ответил на приветствие жены, передал ей пластиковый пакет с хлебом, попросил ее отнести его на кухню, вытащил мобильник и набрал номер полковника Спиридонова. Он давно уже знал о том, что тот очень любил, когда подчиненные звонили ему в вечернее время. Начальник управления искренне считал, что это придает ему значимости, особенно перед женой, большой любительницей ему поддакивать.

Еще большее значение полковник отводил вызовам на работу в вечернее время. Это происходило в случае необходимости принятия какого-то срочного и важного решения, требующего подписи руководителя управления на документе. При этом он только довольно ворчал, но Соколовский знал, как Валерий Захарович после этого скажет своей жене, что без него никто не может никакой вопрос решить. Конечно, это тоже будет ворчанием, но довольного человека. Жена будет ему вторить. Так уж в этой семье повелось. Но в своем кабинете полковник будет выглядеть вполне довольным жизнью и собой. Это было многократно проверено.

Полковник Спиридонов выслушал сообщение Сан Саныча вполне спокойно.

– Что ты сам-то по этому поводу думаешь? – только и поинтересовался он.

Подполковнику пришлось выложить два первых варианта, о которых он думал. Третий уже отпал сам собой. При этом Сан Саныч ощущал, как на кухне притихла жена. Она явно прислушивалась к его объяснениям.

– Значит, негласная охрана семье требуется? – спросил Валерий Захарович.

– Выходит, требуется, – ответил подполковник юстиции.

– Кстати, тебе майор Соловьев дозвонился со своим сообщением?

– Никак нет, товарищ полковник. Я только-только порог квартиры переступил, минуту назад домой вернулся. Доехал, машину поставил, в магазин за хлебом забежал и сразу стал вам звонить.

– Ладно. Позвони Соловьеву сам. Скажешь, к какому часу охрану прислать. Сообщи, что я распорядился. Не забудь это сделать, а то он может и не выделить. Выслушай его. Там интересные данные. Задержание, думаю, уже провели. Пусть клиент посидит ночь в «обезьяннике», поразмышляет. Наутро сговорчивее будет.

– Так там и задержание провели? – с удивлением осведомился подполковник. – Лучше было бы это делать с моим участием. Я сам и допросил бы фигуранта. С разбега, по горячему следу.

– Конечно, провели. – Полковник, кажется, услышал только начало фразы, произнесенной Сан Санычем. – Мы же оперативно работаем. Соловьев тебе все сам расскажет.

Полковник Спиридонов отключился от разговора, а Соколовский словно бы слышал, как тот сказал жене:

«С кем работать приходится! Все самому за них делать следует. Ничего самостоятельно решить не в состоянии. Ну и народ! Дали под команду на мою голову».

Но это подполковника юстиции задело мало. Он уже давно привык к своему начальнику. Сан Саныч хотел было объяснить ситуацию жене, но тут же спохватился, подумал, что у майора Соловьева могут быть какие-то дополнительные данные. Он набрал номер дежурного по управлению.

– Приветствую, Сан Саныч! – Майор помчался с места в карьер и даже ответа дожидаться не стал, сыпал как из пулемета: – Слышь, дело-то у нас какое закрутилось. Твой подопечный – как его? – этот, на которого покушались...

– Косицин.

– Ага. Он самый.

Майор начал рассказывать.

Оказывается, дело обстояло так. Молодой офтальмолог-протезист Анатолий Егорович Саломатин утром задержался дома, поэтому спешил на своей машине в больницу, ожидая увидеть недовольную очередь у дверей кабинета. Он даже дважды проехал перекрестки на желтый сигнал светофора, когда вот-вот должен был загореться красный.

На крыльце офтальмологического центра какой-то почти полностью лысый человек остановил его и принялся обнимать, называл Сергеем, старым другом и даже одноклассником. Хотя сам этот тип был лет, пожалуй, на пятнадцать старше Анатолия Егоровича и явно страдал от какой-то глазной болезни. Удивляться этому не приходилось. Человек вышел из офтальмологического центра, а туда люди с отличным зрением не приходят.

Саломатин с трудом высвободился из его объятий, сухо сказал, что тот ошибся. Мол, зовут меня вовсе не Сергей, а Анатолий Егорович. Надо заметить, что этим он сильно человека обескуражил, чуть не в краску вогнал. По крайней мере, шея у него заметно покраснела. Он начал извиняться, чем задержал Саломатина еще на добрые полторы минуты.

– Бывает, – отговорился офтальмолог-протезист и почти побежал к себе на третий этаж.

Около кабинета на стандартных больничных кушетках и в самом деле сидели люди. Их было не слишком много, однако врач начал прием сразу, едва успев надеть белый медицинский халат. Карточки больных медсестра уже принесла и кабинет открыть не забыла.

Саломатин всегда был человеком слегка стеснительным и не любил заставлять людей ждать себя. Он много времени уделял работе и считал всех остальных людей такими же. Хотя очередь состояла в основном из персон пожилого возраста, скорее всего, давно уже пенсионеров, которым за счастье убить время в разговорах среди таких же личностей, как они сами.

Офтальмолог-протезист завершил прием пациентов во второй половине дня, уже после обеда. Потом он спустился на лифте в подвальное помещение, где располагалась лаборатория, там подписал два сертификата соответствия на изготовленные протезы и передал техникам бумаги еще на три заказа.

После этого Саломатин собрался позвонить клиентам, заказы которых уже были выполнены, чтобы позвать их на примерку. Но, к своему немалому удивлению, он не нашел в кармане дорогой мобильник. Суть проблемы состояла даже не в цене, которая перевалила за сотню тысяч рублей, а в том, что телефон этот был подарен ему совсем недавно любимой молодой женой.

Саломатин подумал, что случайно выложил аппарат на стол в кабинете, как делал иногда. Да и сам кабинет в этот раз он оставил не закрытым на ключ. Заходи, кто хочешь, бери все, что угодно.

Анатолий Егорович в довольно беспокойном состоянии вошел в лифт, поднялся и шагнул в кабинет. Телефона не было ни на столе, ни в карманах куртки.

Саломатин решил, что вполне мог забыть мобильник дома, но звонить туда и беспокоить жену не стал. В любом случае все вечером выяснится. Особо важных номеров в памяти аппарата не было, однако его потеря сильно расстроила Анатолия Егоровича.

Ближе к концу рабочего дня зазвонил городской телефон.

– Анатолий Егорович? – спросил отдаленно знакомый голос.

– Да. Я слушаю, – ответил Саломатин.

– Это Косицин Павел Яковлевич вас беспокоит. Вы меня сегодня на примерку протезного глаза вызывали. Я не смогу приехать. Причина весьма уважительная. На меня второе покушение подряд сегодня было. Мой телохранитель убит. Мне теперь как-то совсем не до глаза.

Саломатин вспомнил голос, оценил ситуацию и тут же заявил:

– Ваш глаз еще не готов. Я вам не звонил.

– Как так? – спросил Косицин. – У меня определитель показал ваш номер. Значит...

– Значит, трубку у меня украли, или же я сам ее потерял. А кто звонил вам, я понятия не имею, – проговорил доктор.

– Стало быть, это была ловушка, – сделал вполне оправданный вывод генеральный директор паевого инвестиционного фонда. – Извините, но я сейчас же позвоню следователю. Вас, вероятно, будут допрашивать, – строго добавил Павел Яковлевич.

– Бога ради. За мной никакой вины нет, – отозвался офтальмолог-протезист. – Я готов ответить на любые вопросы следствия.

Все это майор Соколов передал своими словами. Однако Сан Саныч представлял все зримо, в цветных картинках. Богатое воображение вполне позволяло ему это делать.

– Это я понял. Дальше что? Этого Саломатина задержали, как я понимаю? – поинтересовался подполковник юстиции.

– Никак нет, – ответил Соловьев, дежуривший последние часы и потому торопящийся.

Ему же предстояло еще и смену сдавать.

– Он, слава богу, вспомнил, как какой-то человек утром на крыльце бросился его обнимать, с кем-то перепутал, – продолжал майор. – А в офтальмологической клинике на входе и в коридорах стоят камеры видеонаблюдения. Полиция просмотрела записи и нашла этого человека. Вор редкой, но уважаемой даже по нынешним временам профессии, щипач. Заодно, кстати, однофамилец нашего руководителя управления, то есть Спиридонов. Он только месяц назад освобожден, тут же, как оно и полагается, встал на учет в районном отделе по месту жительства. На записи при замедленном просмотре было отчетливо видно, как Спиридонов вытащил мобильник из кармана врача-офтальмолога, потом сел в какую-то машину. Сотрудники районного отдела поехали по месту регистрации Спиридонова. Дома его не оказалось, и они устроили в квартире засаду. Только недавно тот вернулся домой, крепко пьяный. Телефон был при нем. Дорогой, кстати, английского производства. Такие аппараты делают еще в Финляндии, чуть-чуть подешевле, и в Китае, совсем ширпотреб. Но Спиридонову и помимо мобильника кто-то неплохо заплатил. Вот он на радостях и заквасил. Сейчас в «обезьяннике» в районном отделе сидит. Утром его тебе, Сан Саныч, на допрос привезут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.